

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.4
EDN: ATOZBC

Репрезентация солдатской смерти: дискурс-анализ военных некрологов в контексте СВО

Ссылка для цитирования:

Матвеевко Р. О. Репрезентация солдатской смерти: дискурс-анализ военных некрологов в контексте СВО // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 1. С. 63–86. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.4> EDN: ATOZBC

For citation:

Matveenko R. O. (2025) Representation of Soldiers' Death: Discourse Analysis of Military Obituaries in the Context of the Special Military Operation. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 1. P. 63–86. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.4>

Матвеевко Регина Олеговна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

E-mail: romatveenko@edu.hse.ru

Статья посвящена критическому анализу военных некрологов, опубликованных в контексте СВО. Основное внимание уделено тому, как некрологи репрезентируют солдатскую гибель и какие идеологические нарративы поддерживаются через эти тексты. В рамках исследования анализируются жанр, структура и дискурс некрологов, участвующие нарративы и стратегии легитимации гибели на поле боя, героизации солдат и утешения скорбящих. С помощью качественного дискурс-анализа было проведено исследование 50 некрологов, опубликованных до мая 2024 года в региональных медиа. В качестве результатов представлены стратегии репрезентации дискурса гибели солдата через концепты самопожертвования, социального тела и смерти как символического обмена, а также способы конструирования идентичности и ценности жизни солдата. Показано, что некрологи функционируют как важный инструмент властного дискурса в формировании коллективной памяти и общественного мнения о локальных конфликтах.

Ключевые слова: дискурс-анализ; военный дискурс; некрологи; солдатская гибель; репрезентация смерти

Введение

Представления людей о смерти сопровождаются социальными и культурными осмыслениями, которые находят свое проявление в мемориальных практиках, одной из которых является некролог — жизнеописание умершего. Некролог как социальный феномен выступает носителем коллективной памяти и частью публичной коммеморативной культуры, основной функционал его заключается в публичной демонстрации и институционализации скорби [Fowler, 2007]. В свою очередь, военный некролог отражает и одновременно формирует отношение социума к солдатской жизни и смерти [Frisk, 2018]. Жанр, структура и содержание некролога определяются и регламентируются спецификой времени, конкретного военного конфликта, в который вовлечено общество, а также господствующими идеологическими представлениями и ценностными ориентациями различных социальных групп по отношению к солдатским смертям [Taussig, 2017]. Так как военный некролог, опубликованный в медиа, является дискурсивной репрезентацией образа солдата и его гибели, его изучение позволяет выявить восприятие жизни и смерти участников боевых действий и, кроме того, понять формирование системы легитимации военных потерь в рамках присутствующих дискурсов. Находясь на переднем крае публичной сферы, публицистический жанр военного некролога имплицитно содержит в себе конфликт между частным осмыслением солдатской гибели и институциональным, строго регламентированным дискурсом репрезентации. На основе смысловых конструкций поддерживается позитивный нарратив о ненасильственной гибели солдата, что является попыткой скомпенсировать индивидуальную скорбь и может расходиться с вариативностью частных оценок этого феномена [Acton, 2007: 5].

Текущее вовлечение общества и отдельных граждан в специальную военную операцию (далее — СВО) актуализирует тему репрезентации солдатской гибели и ее восприятия разными группами акторов. В литературе рассматривалась специфика военных некрологов из разных стран в связи с различными военными конфликтами [Askildson, 2007; Danilova, 2015; Frisk, 2018; Рождественская, 2014]. Однако мемориальные материалы, посвященные российским солдатам СВО, еще не получили исследовательского внимания. Поскольку некролог, будучи встроенным в легитимирующую коммуникативную медиасистему, отражает сложное совокупное авторство (социальный институт армии порождает свои законы жанра, адаптируемого в случае использования медиарепрезентации), он представляет собой важный инструмент формирования общественного мнения и конструирования ценностно-идеологических нарративов [Frisk, 2018]. Как меняется этот институциональный жанр в случае использования не официального пресс-релиза министерства обороны, а региональной медиаплатформы? Что привносят в структуру и язык военного некролога журналисты, готовя репортаж с похорон или транслируя речь местного политика о гибели земляка?

В исследовании осуществляется дискурсивный анализ некрологов погибшим на СВО солдатам как одного из жанров публичного и институционального дискурса, демонстрирующего отношение государства к смерти солдата.

Теоретическая основа исследования

Коммеморативная культура, частью которой является в том числе и феномен некролога, связана с осмыслением смерти в целом, а также с культурными значениями и практиками прощания и горевания, захоронения и памятования. Согласно теории управления страхом смерти, человека преследует перманентный экзистенциальный страх конечности собственной жизни [Greenberg et al., 1986; Rosenblatt et al., 1989]. Для купирования этого страха индивид стремится воссоздать для себя иллюзию фактического или же символического бессмертия в форме продолжения своего существования через культуру, религию, деторождение и другие формы закрепления своей идентичности. Некролог можно рассматривать как дискурсивный пакт между живущими относительно императива помнить ушедшего.

Рассматривая дискурсивную репрезентацию солдатской гибели в военном контексте, нужно учитывать, что отношение к жизни и смерти солдата в исторической динамике принимало различные формы. Так, от периода полного пренебрежения к жизни и смерти солдата западная цивилизация сначала перешла к индивидуализации и героизированию смерти на поле боя [Mosse, 1990], а в середине XX века от культа героизма и славной смерти — к нарративу потери смысла и жертвенной, страдальческой смерти на войне [Zambenardi, 2022; Gorsky, 2012]. Касательно онтологии образа солдата Замбернардид выделял смертное физическое тело и (бессмертное) социальное, институциональное тело, которое героизируется и наделяется политическим смыслом, становясь объектом идеологического интереса. Поминование, во многом реализуемое через создание и использование социального тела, было необходимо для утешения скорбящих и носило характер политического инструмента, направленного на конструирование групповой идентичности и прославление жертвенной смерти на войне. Согласно Лебелу, отношение скорбящих по погибшим солдатам к государству и военным порождает разные модели скорби: гегемонистская модель утраты подразумевает позитивное отношение к войне и правительству, политическая — негативное эмоциональное отношение к государству, гражданская — негативное отношение к военным и институту армии. В гегемонистской модели скорбящие выступают базой поддержки господствующего социального и политического порядка. Личное переживание утраты становится полем для достижения идеологических целей [Лебел, 2011]. Каким образом? Приватное горе на глубинном уровне управляется внешними доминирующими нарративами в отношении войны, исходящими обычно из властных интересов, однако, полагает Эктон, это влияние скорее взаимно, а не односторонне [Acton, 2007: 2–4]. Солдатская жертва имеет символическое значение — постоянное и осознанное самопожертвование отдельных индивидов ради блага общества [King, 2001; Pajari, 2014]. Часто погибший на войне солдат перестает быть просто человеком и посмертно становится исключительно солдатом; весь образ человека сводится к его последней идентичности. Бауман объясняет это тем, что, лишь сливаясь

воедино, индивидуальные смерти становятся вкладом в жизнь нации и коллективное бессмертие [Бауман, 2002].

Дискурс, ориентированный на легитимирующую репрезентацию войны и боевых потерь, может конструировать целые идеологические системы для работы над установками и интересами масс [Hodges, 2015]. Одной из них является логика самопожертвования, формирующая оправдательные конструкции, обосновывающие солдатские смерти и делающие их осмысленными как для самих солдат, так и для их родственников, что работает на утешение скорбящих семей [Pajari, 2015]. Логика самопожертвования имеет четыре постулата: необходимость жертв для существования нации, нация как первостепенный объект любви, война как доказательство зрелости нации и права на ее существование, а также ранжирование мужчин на основе их вклада в конфликт (лучшие умирают первыми).

Иной аспект темы — некрологи как отражение коллективной памяти. Они способствуют конструированию образа воина и предоставляют общественному сознанию мемориальный нарратив о нем [Рождественская, 2014]. С помощью задействования коллективных ценностей и представлений о прошлом социальной группы происходит фильтрация смыслов, фреймирование сценариев и путей того, как будет рассказана история [Taussig, 2017]. Это служит формированию образа солдата через удерживание внимания читателя на значимых семантических и символических стимулах, в качестве которых могут выступать, например, исторические фигуры или отсылки к событиям прошлого, которые были задействованы в коммеморации и строительстве коллективной идентичности [Hume, 2000]. Некрологи демонстрируют, что идентичность человека не перестает развиваться после смерти; наоборот, она активно восстанавливается или даже конструируется заново [Bonsu, 2002]. Это означает, что социальное тело солдата остается идеологическим инструментом и предметом дискурсивных усилий. На основе некрологов можно эксплицировать стратегии легитимации, ценности и идеалы, в соответствии с которыми оценивается жизнь и смерть военных относительно конфликта. Фриск при исследовании афганских некрологов выделял несколько стратегий легитимации, придающих военным смертям моральный смысл: дискурс патриотического самопожертвования; гуманитарная жертва, в рамках которой смерть рассматривается как свидетельство альтруистических установок; профессиональное самопожертвование; братская жертва [Frisk, 2018]. В некрологах варьируются и структура описания, и репрезентация смерти, и легитимация потери. Отечественная коммеморация советских солдат в рамках Афганской войны несла в себе некий элемент индивидуализации, рисуя подробный и иногда нарративизируемый образ, однако идентичность солдата сводилась к «основной» функции — армейской службе [Рождественская, 2014]. При этом солдаты в репрезентации представлены профессионалами и одновременно с этим добровольными жертвами, что позволяет обществу видеть в их смерти не только личную трагедию и страдание, но и героизм [Danilova, 2015].

Методологические основы исследования

Выборка

Мы собрали и проанализировали 50 некрологов, опубликованных в интернете на медийных порталах, сайтах и каналах муниципальных администраций, а также в социальных сетях (см. Приложение 1. Выборка некрологов). После 10–15 проанализированных некрологов было достигнуто насыщение, поскольку достаточно быстро в ходе сбора материала стали повторяться характеристики жанра, структуры и основные элементы аналитического рассмотрения. Однако мы выбрали стратегию как можно большего отбора, чтобы обеспечить полноту и охват материала: так как максимально необходимая граница выборки для качественного исследования достигает 50 кейсов (хотя зачастую исследователям достаточно и гораздо меньшей выборки) [Штейнберг, 2014; Рождественская, 2012], было принято решение остановиться именно на этом количестве. Предпринималась попытка диверсифицировать источники и сам формат публикаций: были представлены как короткие официальные сводки, так и объемные некрологи, написанные в художественном стиле профессиональными журналистами или частными пользователями (однако последних было обнаружено очень мало). Таким образом, анализируемые некрологи можно разделить на две основные группы текстов: выложенные на порталах администрации и опубликованные на неформальных медиаресурсах. Эти группы являются достаточно гомогенными и внутри себя демонстрируют схожую логику организации текста.

Стоит отметить, что наше исследовательское поле ограничено. Все рассмотренные некрологи являются в разной степени медийно опосредованными. Министерство обороны приняло решение не публиковать некрологи и рекомендовало властям регионов с наибольшими потерями поступать так же¹. Это осложняет понимание того, как в действительности относятся централизованные власти к феномену гибели солдат. Включенные в анализ некрологи были опубликованы до 5 мая 2024 года, и практически все из них были размещены на государственных, муниципальных или частных медиа-порталах.

Метод

Для анализа текстов применен критический дискурс-анализ (КДА), позволяющий исследовать, как язык и структура текста влияют на восприятие и интерпретацию содержания и что они говорят о выражаемой через текст интенции автора. Этот метод подчеркивает взаимосвязь между использованием речи и инкорпорированием в нее символично-идеологических конструкций. Согласно КДА, тексты часто предполагают наличие у читателя определенных социокультурных знаний и представлений о мире, необходимых для правильной интерпретации текста. Это создает семантический

¹ Владимир Путин о потерях ВС России в ходе СВО. Вести Приморья 6.06.2024. <https://vestiprim.ru/news/ptrnews/151163-vladimir-putin-ozvuchil-poteri-vs-rossii-v-hode-svo.html> (дата обращения: 10.10.2024).

айсберг — дискурсивный прием, подразумевающий репрезентацию части информации, которая затем достраивается читателем до более полной для него картины, то есть связи между подразумеваемыми концептами и вербальными утверждениями не выражены напрямую, а реконструируются читателем на основе его предыдущего опыта и знаний [Сычева, 2011]. Это делает важным не только анализ непосредственно сказанного, но и контекстуальную рефлексию.

Подход к КДА Нормана Фэркло состоит в детальном изучении взаимосвязи между языком, властью и обществом. Основной акцент делается на том, как дискурсы, т.е. способы использования языка, формируют и отражают социальные структуры, тенденции, отношения власти и идеологии [Fairclough, 2015]. КДА фокусируется на анализе лексики, синтаксиса, риторических приемов и других языковых особенностей текста, чтобы рассмотреть, как определенные слова и фразы используются для передачи идеологически насыщенных значений.

Процедура анализа

В ходе анализа проводилось подробное рассмотрение как отдельных речевых конструкций (цитат, речевых оборотов и словоформ, отражающих описание солдата и размышления о гибели), так и общих структур текста, то есть набора тематических блоков и взаимосвязей между ними. Внимание также уделялось языковому стилю, подробности и полноте описания, визуальному материалу. На первичном этапе использовались внутритекстовая деконструкция и открытое кодирование — выделение единиц анализа непосредственно из объекта (отдельных цитат или частей текста) и присвоение им кодов. Далее в исследовательских заметках происходила экспликация смыслов первичных кодов и тезауруса через авторскую интерпретацию символических обозначений и категорий с опорой на выделенные ранее теоретические концепты.

Первичные коды при возможности объединялись в категории более высокого порядка, также реконструировалась типичная структура некрологов (инвариативные элементы и свойства) и отслеживались вариативные черты, что позволило на основе материала выделить два основных мемориально-сетевых дискурса: *формальный административный* и *«переходный», журналистский*.

Результаты эмпирического исследования

Структура некролога

В формате некролога создается комплексное и многоуровневое повествование, которое одновременно информирует, вдохновляет и утешает читателей, представляя их вниманию «легенду о герое», в которой излагается путь военного от рождения до смерти. Основные структурные элементы, чаще всего встречающиеся в некрологах о павших на СВО, включают в себя заголовки, биографическую сводку, личностную характеристику, обстоятельства

вовлечения в службу и гибели, описание ритуала прощания, выражение соболезнования семье и короткое, эмоционально окрашенное изречение, как правило, завершающее фабулу: «Вечная память Герою!» [Приложение 1. Некролог 28].

Текст некролога складывается из трех основных составляющих. Каркасом является сюжетный нарратив — набор фактов о жизни героя, его смерти и связанных с ней событиях. Нарратив включает вариативный набор оценок (*невыносимо тяжелая потеря, отличный пацан*), идеологических концептов (*герой, отдал жизнь за...*), нормативных диспозиций (*мы обязательно должны победить*) и прочих конструкций, представляющих в определенном свете военный конфликт и личность солдата и делающих описание аффективно и ценностно насыщенным. Еще одним элементом описания, при этом не включенным непосредственно в текст, является семантический мост, подоплека, косвенно подразумеваемая на основе ограниченно поданной информации. Сюда включаются значения и смыслы, которые читатели конструируют на основе связки данного некролога и своего социокультурного бэкграунда, касающегося, например, представлений о значимых исторических событиях и связанных с ними идентичностях: «Вечная память солдатам, отдавшим жизнь за суверенитет страны, за победу над нацизмом» [Приложение 1. Некролог 22]. В данном примере слово «нацизм», которым характеризуется враждебный режим, имплицитно, то есть без прямой референции вызывает у читателя ассоциацию с Великой Отечественной войной.

Помимо общих принципов структурной организации и ее уровней, в рассмотренных некрологах используются расхожие словоформы и смыслопорождающие метафоры, которые можно назвать нормативно ориентированным внутренним институциональным языком. Они относятся к оценочному уровню повествования. Приведем некоторые примеры таких обобщенных и часто встречающихся символических конструкций, которые можно разделить на следующие группы:

- описывающие и характеризующие в положительном ключе поступок, результатом которого стала гибель: *самопожертвование, отвага, воинский долг, мужество, героизм, великая честь, отдал жизнь за...*;
- описывающие в положительном ключе погибшего (посмертное нарицательное имя, исходящее из подвига): *герой, защитник, патриот, настоящий мужчина*;
- характеризующие оценочное восприятие гибели: *невыносимо тяжелая трагедия, утрата, скорбим всем городом, скорбная весть, боль*;
- показывающие связь с социумом, эхо гибели, влияние на коллективное сознание: *показал настоящий пример..., сотни жителей пришли проводить, оставил неувядаемый след в истории, продолжают жить в нашей памяти*.

Страна, имеющая особый морально-метафизический статус, чаще всего номинализируется через слова «Отечество» и «Родина», то есть через семантику родительских фигур. Она представляется как абстрактный метародитель; страна — не просто группа людей, а надындивидуальная сущность,

проявляющая родительские функции по отношению к индивиду, дающая жизнь, но априори имеющая право эту жизнь забрать, потребовать ее жертвы. Это является дискурсивной реализацией второго постулата логики самопожертвования о превалировании государства или нации над интересами, связями и жизнями индивидов [Pajari, 2015].

Обозначенные конструкции и лексемы свойственны как административным, так и публицистическим некрологам, что наталкивает на вывод об общей логике использования языка независимо от источника. Все эти компоненты (тезаурус, логика повествования, разноуровневость), инвариативно прослеживаемые почти во всех представленных некрологах, в совокупности можно назвать структурными универсалиями. Будучи встроенным в контекст (то есть создавая семантические мосты), этот тезаурус рисует образ великой жертвы во благо отечества.

Стратегия легитимации

Отраженное в некрологах морально-положительное объяснение смерти комбатантов в целях утешения и мотивации читателей является легитимацией потери. Легитимирующая функция проявляется в обосновании осмысленности и необходимости потери. Объяснение важности жертвы опирается на несколько стратегий легитимации; так, в некрологах часто можно проследить использование некоторых постулатов логики самопожертвования² [Pajari, 2015]. Например, участие человека в боевых действиях представляется как экзистенциальная необходимость для Родины, ее будущего и суверенитета: *«Он отдал свою жизнь ради обеспечения безопасности своей Родины»* [Приложение 1. Некролог 13]. Четвертый постулат логики самопожертвования гласит, что смерти на войне удостоиваются лучшие сыны нации: *«Отдать жизнь на поле боя за родную землю, за идеи справедливости и добра — на это способен только сильный духом человек»* [Приложение 1. Некролог 3]. Возможность пожертвовать жизнью доступна только мужчинам, характер и поведение которых маркируется положительными моральными характеристиками: *«Вновь уходят парни, честен кто и смел»* [Приложение 1. Некролог 23]. Отражение положительных черт и отсутствие репрезентации негативно оцениваемых, неприглядных характеристик тоже работают на четвертый постулат логики самопожертвования. Кроме того, можно обнаружить три из четырех стратегий легитимации³ [Frisk, 2018]. Дискурс патриотического самопожертвования фокусируется на необходимости жертвы как вклада в экзистенциальную и символическую защиту Родины. Стратегия гуманитарной жертвы отсылает к населению ДНР и ЛНР как объекту защиты: *«При проведении спецоперации, направленной на защиту мирного населения»* [Приложение 1. Некролог 2].

² Напомним эти четыре постулата: необходимость жертв для существования нации; нация как первостепенный объект любви; война как доказательство зрелости нации и права на ее существование; ранжирование мужчин на основе их вклада в конфликт (лучшие умирают первыми).

³ Напомним стратегии легитимации согласно исследованию К. Фриска: дискурс патриотического самопожертвования; гуманитарная жертва, в рамках которой смерть рассматривается как свидетельство альтруистических установок; профессиональное самопожертвование; братская жертва.

Братское самопожертвование является демонстрацией значимости маскулинного боевого братства, социальных связей, образованных на фронте. В некоторых некрологах происходило совмещение разных стратегий легитимации, например, братского и гуманитарного самопожертвования: «... капитан Селютин погиб, спасая жизни своих боевых товарищей и мирных жителей Донбасса» [Приложение 1. Некролог 14].

Помимо категоризированных в научной литературе способов оправдания, в некрологах можно обнаружить легитимацию через апелляцию к социально и экзистенциально важным для читателей «якорям» — ценностям, символам, страхам, элементам исторической памяти. Одним из таких «якорей» являются понятия вечности и бессмертия — они занимают верхушку семантического айсберга, описанного в теории управления страхом смерти [Greenberg et al., 1986]. Социальное тело солдата в текстах удостаивается символического бессмертия: *«До тех пор, пока мы чтим и помним, герои будут живы. <...> Герои не умирают, они продолжают жить в нашей памяти»* [Приложение 1. Некролог 8]. Метафорическое бессмертие ставится выше жизни, социальное тело — выше физического; в конце концов, смерть настигнет всех, но именно гибель в бою позволит продолжить свое символическое существование и обрести высокую посмертную субъектность: *«Его самопожертвование и отвага всегда будут служить примером для всех нас»* [Приложение 1. Некролог 35]. Описывающие гибель конструкции, такие как «смерть храбрых», также присваивают событию положительные коннотации, которые должны воздействовать на горе скорбящих близких. Человек погиб не зря, не просто так, а ради высшего блага, и он достоин высокого морального статуса: *«И одно только может смягчить горечь утраты — наша память, понимание, что эта жертва была не напрасна»* [Приложение 1. Некролог 29].

Формирование образа павшего солдата

Рассматриваемый формат онлайн-мемориализации отражает дуализм существования солдата, рассмотренный Замбернарди [Zambernardi, 2022]: прослеживаются не только сведения о погибшем физическом теле, но и контуры социального тела — совокупности институционализированных представлений о покойном, сложенных в его идеализированный, культурно значимый образ. Воссоздание социального тела умершего входит в зону ответственности некролога как формы поминовения. Очерченные ранее приемы и формы существования некролога — структурные универсалии — создают достаточно конкретный институциональный шаблон, предопределяющий политизацию образа умершего и закрепление его идентичности в представлениях читателей.

Личность героя характеризуется через различные сферы его биографии, что порождает множественную идентичность погибшего. Чем больше биографических сфер задействуется в описании и, соответственно, чем больше идентичностей отражено в тексте, тем целостнее, глубже и подробнее составлен общий портрет героя. В современной российской онлайн-мемориализации

погибших на СВО сохраняются 3 типа идентичности образа павшего, выделенные ранее Н. Даниловой [Danilova, 2015]: национальная, личностная и служебная.

Национальная идентичность строится на чувстве принадлежности к России и моральной привязанности к ней, что отражается через использование аффективно насыщенных ярлыков: *герой, отважный, пример патриотизма*. Данная плоскость идентификации воссоздается в том числе через физическое вовлечение национальных символов в ритуалы прощания: *«флаг России свернули над телом и отдали на хранение матери, погребение прошло под залп ружей и гимн страны»* [Приложение 1. Некролог 21]. Стоит отметить, что в рамках выстраивания этого типа идентификации практически не делались отсылки к ярлыку «русский» как этнической/национальной принадлежности. Этот подход способствует созданию образа единства и солидарности на более широком уровне, акцентируя внимание на общегражданских, а не на этнических ценностях. В целом онлайн-мемориализация участников СВО этнически инклюзивна, что говорит о поддержании идеала многонационального государства, унаследованного от СССР. Это способствует внутригрупповой сплоченности и, соответственно, повышает общий мобилизационный потенциал населения. Межэтнический метанарратив, однако, не становится интернациональным, поскольку культура и гражданство все еще выступают фактором разделения на «своих» и «чужих» и представляются как один из предметов конфликта: *«А они, за други, умирать идут, За дедов могилы, за родной язык»* [Приложение 1. Некролог 23].

Второй тип идентичности — личностный — прослеживается в текстах через воссоздание психологического портрета погибшего, его социальных связей и неформальных ролей, предпочтений, увлечений, внешности и всего прочего из того, что используется для индивидуализации погибшего и придания ему и его жертве уникальной ценности. Значимым смысловым блоком многих некрологов является акцентирование на сильных социальных связях погибшего как важной части его жизни и идентичности: *«Коля был необыкновенным сыном, заботливым братом, любящим мужем»* [Приложение 1. Некролог 22]. Семейные узы играют двойственную роль по отношению к репрезентации солдатской смерти. С одной стороны, они воспринимаются как сдерживающий фактор для готовности пожертвовать жизнью. В таком случае семейные узы противопоставляются лейтмотиву некролога, согласно которому агентность военного положительно оценивается в связи с экзистенциальными рисками. Семейные связи не превалируют над Родиной или нацией; несмотря на их важность, ими можно и нужно пренебречь во имя интересов другого порядка. С другой стороны, семья иногда представлена как побуждающий фактор для самопожертвования и защищаемый в конфликте объект: *«встав на защиту светлого будущего Родины и своей семьи»* [Приложение 1. Некролог 24]. Возможно, акцент на семейных ценностях должен еще сильнее побудить мужчин рискнуть своей жизнью, потому что подразумевается, что интересы семьи совпадают с интересами нации.

Служебная идентичность фиксируется в упоминаниях о добросовестной службе и награде за нее, что подкрепляет образ солдата как высокопрофессионального и преданного своему долгу человека: «*Воевал умело, инициативно выполняя все задачи, поставленные командованием*» [Приложение 1. Некролог 34]. В некрологах участников СВО служебная идентичность выстраивается в основном согласно моральным категориям военного габитуса, в первую очередь, на понятиях воинского долга и солдатской чести. Хотя в текстах и приводятся косвенные свидетельства профессионализма героев (например, перечисляются их награды), все же лексика, описывающей погибшего в категориях профессионализма и военной карьеры, мало. Служба в армии скорее репрезентируется как моральный долг, нежели как карьера.

Помимо перечисленных типов идентификации погибшего комбатанта можно также выделить гражданскую профессиональную идентичность, важную в случае мобилизации и контракта с невоенными. Часто в текстах присутствует фабула об обучении, профессиональном становлении и карьере гражданского человека как важной части его идентичности, которая иногда даже находит отражение в названии: «*Волгоград прощается с погибшим на СВО тренером Алексеем Сигитовым*» [Приложение 1. Некролог 10]. Освещение гражданских ролей способствует большей индивидуализации и диверсификации образа героя. Присутствует и идентичность малой родины, формирующая связь между погибшим и его местом проживания, городом. Малая родина является большим сообществом, но не обладает ни близостью семейных уз, ни сложностью и абстрактностью концепта Родины. Этот тип идентификации описывается в терминах «житель города», «тюменец», «земляк», а также в выражении горя от лица общественности и властей города, что свидетельствует о важности в репрезентации локальной идентичности и эмоционально-моральной причастности горожан: «*Бердск скорбит*» [Приложение 1. Некролог 4].

В коммеморативных практиках образ солдата часто приобретает сакральные черты. Это происходит не через прямые вербальные указания на святость или мученичество, а через символические образы, характеристики и архетипы, глубоко укорененные в культурной и религиозной памяти общества. К ним можно отнести упоминание символического бессмертия и посмертное влияние погибшего на коллективное сознание, а также образ гибели за праведное дело. Сакрализация солдата служит имплицитным семантическим мостом, связывающим религиозно-культурные представления людей с современными коммеморативными практиками. Эта тенденция выражается через визуальные и текстовые элементы мемориализации, такие как фотографии мемориалов, ритуалов прощания, иллюстрирующие тексты некрологов в медиа. Например, в некоторых статьях можно увидеть фотографии шествия на церемонии прощания, что выглядит аналогично крестному ходу с привлечением культурно-религиозных атрибутов и символики: иконообразно оформленных фотографий погибших, венков, мемориальных досок и прочего.

Фото 1, 2. Визуальный ряд из некрологов [Приложение 1. Некрологи 26, 31]

В целом в некрологах мы обнаруживаем попытку дифференциации и углубления образа погибшего через многоуровневое повествование и наслоение привлеченных типов идентичности. Однако, как будет показано далее, степень дифференциации и расставление акцентов в репрезентации образа погибшего имеют значительные различия в разных источниках.

Различия дискурсов

В рамках онлайн-освещения и обсуждения военных смертей можно выделить два основополагающих типа дискурса: институционализированный некролог, то есть инициированный через СМИ региональной администрацией («сверху вниз»), и социально-групповой, или частный, формирующийся на персонализированных платформах (таких как сообщества взаимной поддержки,

новостей СВО или группы по выплатам в социальных сетях). Частный дискурс замкнут преимущественно сам на себя, то есть циркулирование информации происходит внутри него: индивиды в рамках сообществ и отдельных обсуждений обмениваются информацией и мнениями. Рассмотренные нами некрологи относятся преимущественно к институциональному типу дискурса. Хотя социальное тело солдата и является продуктом коллективного реконструирования [Zambernardi, 2022; Рождественская, 2014], в то же время наблюдается асимметрия и однонаправленность институционального дискурса: он создается и транслируется группами, осуществляющими легитимацию потерь в медиапространстве, в то время как стороне потери дается очерченная строгими рамками роль. Носители социально-группового дискурса не стремятся политизировать и идеологизировать образ погибшего; как правило, их дискурсивные притязания ограничиваются отдельными аспектами биографии комбатанта:

*«Друзей Данила Александрович заводил легко, рассказывает его старшая сестра — Юлия:
— Он был очень веселым, общительным, увлекался спортом»* [Приложение 1. Некролог 39].

Два подвида военных некрологов — административного авторства и написанные профессиональными журналистами — по-разному раскрывают личность солдата и в целом демонстрируют разный стиль изложения. Тексты от лица администраций написаны более шаблонно, интонационно ровно и сухо, следуют жанровым предписаниям; по объему они обычно сжаты. В них либо вовсе не приводятся личностные особенности погибшего, либо они излагаются абстрактно и поверхностно, не выделяя индивидуальности и уникальности героя. Основная цель таких текстов — подчеркнуть героизм, преданность и жертву погибшего, однако при этом они мало затрагивают более обыденные аспекты его жизни, находящиеся вне контекста службы. В попытке создать вдохновляющий образ героя получается отдаленная и несколько нереалистичная фигура, сведенная к символу.

На контрасте с инициированными властью, некрологи, написанные профессиональными журналистами, обычно более многослойны и детализированы: в них конструируется образ павших на основе множественных идентичностей и ролей, без редуцирования биографии героя лишь к роли солдата. В данном случае акцент делается на действительно индивидуальных, конкретизированных характеристиках, иногда, казалось бы, незначительных деталях, придающих уникальность личности погибшего: *«Любимый цвет — темно-синий. ... Любимый предмет — история»* [Приложение 1. Некролог 3].

Несмотря на ограничения публикаций некрологов со стороны Минобороны, у людей все еще сохраняется потребность в публичном поминовении, что, вероятно, и породило следующий, промежуточный, тип дискурса. В коммерческих медийных источниках некролог претерпевает изменение

Получил орден Мужества посмертно: в Оренбургском районе простились с погибшим бойцом

26 августа 2023, 08:52

В Оренбургском районе простились с погибшим бойцом СВО

Боец Алексей Ситмамутов погиб в ходе выполнения боевых задач в зоне специальной военной операции, об этом рассказали в администрации Оренбургского района.

Алексей Ситмамутов родился в Оренбурге в 1978 году. Здесь же он окончил школу №71. Затем мужчина отправился проходить срочную службу в армии.

После этого Алексей работал водителем-экспедитором, слесарем локомотиворемонтного завода.

— Служил в зоне проведения специальной военной операции Российской Федерации. Погиб 9 августа 2023 года при выполнении боевой задачи, — рассказали в администрации Оренбургского района.

Погибший боец был награжден орденом Мужества посмертно. Прощание с Алексеем состоялось в Подгородней Покровке. Церемония прошла со всеми воинскими почестями, на ней присутствовали родные и близкие погибшего воина.

Фото 3. Пример административного некролога [Приложение 1. Некролог 38].

от формализованного, сжатого и однонаправленного описания в сторону более многослойной и эмоционально насыщенной формы. В этих текстах стали фигурировать частные, эмоциональные аспекты описания: отводится место семье и близким солдата, их эмоциям и непосредственному взгляду на личность погибшего и произошедшие с ним события; при этом в тексты инкорпорирован легитимирующий институциональный язык. Это сохраняет функцию некролога как средства обоснования смерти, одновременно делая его более эффективным в выполнении функции поминовения.

Таким образом, структурная вариация между разными группами дискурсов выражается в степени внимания к мемориализации, то есть работе над социальным телом: в публицистических некрологах делается ставка не только на легитимирующие аспекты гибели, но и на попытки осмысления биографии ввиду ценности частного социального мира погибшего. Тем не менее отражение частных настроений является неглубоким и селективно отобранным; оно не противопоставляется обоснованию, положительной валидации гибели героя. Вместе с возвышенной, абстрактной и направленной институционально «сверху вниз» скорбью появляется «горизонтальная» оценка гибели.

Социальные значения гибели солдата

Повествование о солдате выстраивается в некрологе вокруг его главного биографического события — гибели на поле боя. Все указанное в некрологе либо подводит к ней, либо исходит из нее.

Гибель в некрологах часто рассматривается через призму символического обмена, что часто можно проследить на примере формулировок «отдать жизнь за родную землю/Родину/свободу/...». Происходит символическая трансформация жизни солдата, отдающего жизнь в обмен на еще более важные и глобальные моральные ценности. С одной стороны, жизнь и физическое тело солдата сами по себе ценны, что демонстрируется через индивидуализацию и выражение скорби, однако интересы Родины представляются как что-то настолько неизмеримо более ценное и важное (фактически бесценное), что беспрекословно превосходят даже человеческую жизнь. Особой ценностью обладают добровольный обмен и высокая агентность в отношении собственной смерти; это наполняет образ жертвы решимостью и самоотверженностью. Смерть каждого солдата становится символом бескорыстия. Герои некрологов нередко представлены как самостоятельно и осознанно выбравшие свой путь в отношении военной службы и собственной гибели: *«Стремился уйти на специальную военную операцию»* [Приложение 1. Некролог 3].

Отношение к гибели солдата можно рассмотреть через две дополняющие друг друга призмы оценок, являющиеся по сути осями дискурсивного измерения смерти: героизм, то есть наделение смерти осмысленностью, торжественностью и положительными моральными коннотациями, и трагизм — наделение смерти негативными аффективными и моральными оценками, сожаление о жертве. В посвященных СВО некрологах гибель осмысляется, используя терминологию К. Фриска [Frisk, 2018], как патриотический героизм, где акцент делается на высоких моральных стандартах, сопряженных с патриотической риторикой и ставших мотивом жертвы. Смерть в бою описывается в категориях подвига и долга, которым солдат был связан и который должен был отдать, и если человек погиб, значит, он вернул долг, расплатился, и все встало на свои места: *«мужественно защищал Родину и с честью выполнил свой воинский долг»* [Приложение 1. Некролог 28].

Героизация образа человека и самого события достигается через положительную коннотацию и выстраивание в тексте связей со значимыми коллективными культурными символами и событиями, например, Великой Отечественной войны: *«Боль от потери Кирилла останется с нами вечно. Так же, как боль от каждой потери в Великой Отечественной войне. Наши воины продолжают бой, начатый почти век назад, бой с нацизмом»* [Приложение 1. Некролог 3]. Текущие события рассматриваются как продолжение другого конфликта, закрепленного в коллективной памяти и являющегося символическим воплощением истории народа. Этот коллективный опыт не завершен и не законсервирован как далекое «легендарное» и абстрактное событие, его символически возобновляют и продолжают. Своей жертвой солдат вносит вклад в коллективное, национальное бессмертие, а в качестве

компенсации смерть описывается в категориях подвига, достойного запечатления в коллективной памяти: *«Мы всегда будем помнить этот подвиг»* [Приложение 1. Некролог 2].

В отличие от сложносоставного трагизма, сопровождаемого потерей смысла гибели и обесцениванием идеалов, в данном исследовании трагизм рассматривается как более простая перспектива, не отрицающая положительного. Трагизм в некрологах выражается через репрезентацию потери как тяжелой, эмоционально насыщенной и удручающей, но в сочетании с героизмом он является осмысленным, не пассивно-жертвенным, а, напротив, достойным. При всем трагизме утрата и ее аффективно-моральная тяжесть не обесцениваются: *«Невыносимо тяжелая потеря легла на плечи...»* [Приложение 1. Некролог 9]. Напротив, на фоне актуализации тяжести потери героизм обретает еще большую ценность и осмысленность. Индивидуализация погибшего и акцент на «молодой» смерти работает как инструмент интенсификации трагизма потери: *«Жизнь нашего земляка-воина оборвалась слишком рано»* [Приложение 1. Некролог 26]. Таким образом происходит органичное сплетение трагизма и героизма в дискурсе героизации и идеализации солдат, усиливая эффективность легитимации: *«Разделяя боль утраты, мы испытываем чувство гордости за стойкость и мужество нашего земляка»* [Приложение 1. Некролог 25].

Репрезентацию гибели солдат можно также рассмотреть через утешающие перспективы, часто сочетающиеся между собой: легитимацию, эстетизацию и сентиментализацию. Эти перспективы фокусируются на различных аспектах гибели, создавая сложную структуру ее представления и восприятия.

Легитимация, подробно рассмотренная ранее, освещает нормативно-этический аспект потерь, обосновывая их целесообразность и необходимость. Эстетизация — это представление смерти в поэтическом и облагороженном виде, часто через использование символических и метафорических элементов, что превращает некролог в романтизированный эпос, легенду. Эффект достигается с помощью поэтического языка, метафор, литературных оборотов, превращающих сообщение о смерти в художественное отображение жертвы: *«Кто-то встретит грудью пуль горячих рой»* [Приложение 1. Некролог 23]. Используются также лексемы, представляющие смерть солдата как нечто торжественное: *«героически погиб воин»* [Приложение 1. Некролог 5]. Сентиментализация обращает внимание на эмоциональные аспекты потери и проявляется через трагическую линзу восприятия, вовлекая читателя в потерю и скорбь. Мотивы службы и ведения боевых действий представляются драматически, как призвание: *«он по зову сердца поехал на СВО»* [Приложение 1. Некролог 35]. Сентиментализация облика выражается через эмоциональные описания подробностей биографии героя; такие положительные характеристики усиливают его жертвенность. Этот подход укрепляет эмпатию со стороны читателя и придает смерти более глубокий, персонализированный контекст, выходящий за рамки обычной военной сводки.

Скорбь, память и эмоции

Отдельные абзацы некрологов посвящены выражению соболезнования и описанию ритуалов прощания: *«похоронен под залпы почетного караула на воинском захоронении нового городского кладбища»* [Приложение 1. Некролог 16]. Церемонии прощания, как и их отражение в некрологах, обеспечивают ритуализацию коллективного признания жертвы, укрепляют связи между армией и гражданским населением, а также между властью и населением, поскольку демонстрируют солидарность власти с носителями экзистенциальных рисков и вовлеченность в скорбь. Ритуалы по увековечиванию памяти играют важную роль в формировании групповой идентичности и коллективной памяти.

В некрологах часто выражается морально-эмоциональная причастность административной власти к потере и демонстрируется позиция власти, согласно которой жизнь и физическое тело солдата — это что-то важное, несущее в себе моральную ценность: *«Глава города Абакана Алексей Лемин разделяет невыносимую тяжесть потери Кирилла с его родными, близкими, друзьями, сослуживцами»* [Приложение 1. Некролог 3]. Сочувствие близким через некролог выражается для того, чтобы подчеркнуть вовлеченность в горе и вывести потерю из статуса локально-семейного события, придав ей коллективную значимость. Масштаб трагизма и скорби — еще одно подтверждение ценности жизни, а также репрезентация солидарности: *«Скорбим всем городом, республикой, страной»* [Приложение 1. Некролог 8].

В большинстве проанализированных некрологов выражаются соболезнования, причем зачастую обезличенно, будто нет субъекта скорби и соболезнования в лице конкретных людей, что проявляется в конструкциях «мы скорбим», «город скорбит». При этом почти не отражаются эмоции встречной скорбящей стороны. Приводятся цитаты близких со сведениями о солдатах, но цитат, в которых выражался бы аффект самих близких по отношению к потере, обнаружено не было.

Можно сделать вывод, что в некрологах доминирует институциональная дискурсивная модель, в ее логике траур проникает в медийное пространство и становится элементом публичного дискурса, воздействуя посредством усиления героизма жертвы через трагизм. При этом в такой дискурсивной репрезентации смерти солдат наблюдается тенденция к управлению аффектами: некрологи составлены таким образом, чтобы сформировать определенное эмоциональное восприятие потери у читателей и выразить вовлеченность в скорбь близких погибшему людей. Однако эмоции, исходящие непосредственно от «пострадавшей» стороны, не демонстрируются и не обсуждаются, дискурсивно для них нет места.

В некрологах конструируется обязательство коллективной ответственности общества по сохранению памяти о погибших, что подчеркивает стремление к увековечиванию жертв и гарантию символического бессмертия, превращая их в символы национальной гордости и морального долга: *«Чтить бессмертную память об участниках СВО и передавать ее из поколения*

в поколение — наш общий долг» [Приложение 1. Некролог 22]. Этот прием усиливает идеологию патриотического самопожертвования, делая память о погибших частью публичной памяти.

Выводы

Некролог представляет собой многоуровневый дискурсивный документ, состоящий из сюжетного нарратива, системы оценок и имплицитного семантического моста. Эти взаимосвязанные уровни некролога как текста формируют у читателя комплексное и оценочное восприятие личности солдата и его гибели, концептуально выделенных феноменов, которые логически и символически связываются друг с другом в дискурсивном предъявлении: личность солдата и его военная служба подводят к его смерти, органично связываясь с ней в единый нарратив. Для этого личность героя должна быть идеализирована, представлена в положительном ключе, поскольку оценка образа солдата распространяется на оценку его гибели.

В кейсе СВО властный дискурс проходит фильтрацию и дифференциацию, будучи опосредованным платформой размещения. В рамках онлайн-некрологов можно выделить два субдискурса: официальный, или административный, представленный на медиаканалах и онлайн-порталах региональных властей, и публицистический, воспроизводимый профессиональными журналистами в связанных с администрациями медийных источниках. Им обоим свойственна монополизация и однонаправленность информации и оценок, однако во втором обнаруживается влияние частного дискурса на институциональные практики предъявления гибели, что порождает промежуточные дискурсивные формы. Степень индивидуализации погибших варьируется между источниками. Публицистический дискурс фокусируется на сентиментализации и диверсификации образа павшего солдата, предоставляя многоаспектную и подробную идентичность, не сводимую к функции воина и/или жертвы. Тексты некрологов, создаваемые в рамках административного дискурса, демонстрируют отстраненность и сильное сужение аспектов идентичности. Журналистский дискурс представляет собой неглубокое и селективное отображение обыденного дискурса для публичной репрезентации.

Смерть солдата в институционализированной онлайн-мемориализации репрезентируется через две оси дискурсивного измерения: героизм и трагизм; оба этих социальных аспекта гибели представлены в высокой степени и органично сплетаются между собой в единую систему оправдания, формирующую нарратив о ценности жизни и идеалов, за которые была отдана эта жизнь. Смерть солдата рассматривается как символический обмен. Помимо этого, гибель обзревается из трех утешающих перспектив: легитимации (морального освещения), эстетизации (художественного освещения) и сентиментализации (эмоционального освещения), — представляющих гибель солдата многомерным и патетическим событием. Таким образом, некрологи представляют собой явление (пере)присвоения смыслов, связанных с идентичностью и гибелью

солдата, ее важностью и осмысленностью. Воссоздавая институциональную модель скорби, доминирующий дискурс некрологов обретает монополию на репрезентацию гибели, горя и прочих сопутствующих феноменов. Некрологи — это не единственный, но важный канал для донесения обществу, почему в боевых действиях гибнут солдаты и в чем оправдывающая целесообразность этих жертв. Институты, выступающие через этот дискурсивный канал, призваны утешать и мотивировать читателей, придавая смысл утратам. Для этого инстанции производства некрологов порождают и воспроизводят язык, делающий возможным это объяснение.

Литература / References

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

Bauman Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Moscow: Logos. (In Russ.)

Лебел У. Паноптикум смерти: институциональные формы потерь близкого человека // Acta Sociologica. 2011. Т. 54. № 4. С. 351–366.

Lebel U. (2011) Panopticon of Death: Institutional Design of Bereavement. *Acta Sociologica* [Acta Sociologica]. Vol. 54. No. 4. P. 351–366. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Размер выборки в качественном исследовании // Современная социология — современной России. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 271–277.

Rozhdestvenskaya Ye. Yu. (2012) Razmer vyborki v kachestvennom issledovanii [Sample Size in a Qualitative Study]. *Sovremennaya sotsiologiya — sovremennoj Rossii* [Modern Sociology in Modern Russia]. Moscow: NIU VShE. P. 271–277. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Энграмма Афгана: что предпочитают помнить ветераны Афгана и общество о погибших «афганцах» // Право на имя: Биографика XX века. Одиннадцатые чтения памяти Вениамина Иофе. СПб.: Норма, 2014. С. 80–96.

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2014) Engramma Afgana: chto predpochitayut pomnit veterany Afgana i obshchestvo o pogibshih "afgancah" [The Engram of Afghanistan: What Do Afghan Veterans and Society Prefer to Remember about the Dead "Afghans"]. *Pravo na imya: Biografika XX veka. Odinnadtsatye chteniya pamyati Veniamina Iofe* [Right to a Name: Biographies of the 20th Century. Eleventh Readings in Memory of Veniamin Iofe]. SPb.: Norma. P. 80–96. (In Russ.)

Сычева Е. В. Понятие дискурса масс-медиа и методы его изучения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 3. С. 261–267. EDN: NYCAKP

Sycheva Ye.V. (2011) The Concept of Mass Media Discourse and Methods of Its Study. *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i meditsinskikh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences]. No. 3. P. 261–267. (In Russ.)

Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 38–71. EDN: SZSTPJ

Steinberg I. E. (2014) A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]. No. 38. P. 38–71. (In Russ.)

Acton C. (2007) *Grief in Wartime. Private Pain, Public Discourse*. New York: Palgrave Macmillan.

Askildson L. (2007) Discoursal & Generic Features of US Army Obituaries. *Language, Meaning and Society*. No. 1. P. 77–105.

Bonsu S. K. (2002) Advertising Death and Identity through Obituaries in Ghana. *Advances in Consumer Research*. Vol. 29. P. 510–536.

Danilova N. (2015) The Politics of Mourning: The Virtual Memorialisation of British Fatalities in Iraq and Afghanistan. *Memory Studies*. Vol. 8. No. 3. P. 267–281. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698014563874>

Fairclough N. (2015) *Language and Power (3rd ed.)*. New York: Routledge.

Fowler B. (2007) *The Obituary as Collective Memory*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203015964>

Frisk K. (2018) Post-Heroic Warfare Revisited: Meaning and Legitimation of Military Losses. *Sociology*. Vol. 52. No. 5. P. 898–914. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038516680313>

Gorsky M. (2012) Death in War and Peace: A History of Loss and Grief in England, 1914–1970. *The Journal of Modern History*. Vol. 84. No. 4. P. 965–967. DOI: <https://doi.org/10.1086/667643>

Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. (1986) The Causes and Consequences of a Need for Self-Esteem: A Terror Management Theory. In: Baumeister R. F. (ed.) *Public Self and Private Self*. New York: Springer-Verlag. P. 189–212.

Hodges A. (2015) *War Discourse. The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*. Ed. by K. Tracy, C. Ilie, T. Sandel. Boston: Wiley-Blackwell. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118611463.wbielsi026>

Hume J. (2000) *Obituaries in American Culture*. Mississippi: University Press of Mississippi.

King C. R. (2001) Blood Sacrifice and the Nation: Totem Rituals and the American Flag. *American Ethnologist*. Vol. 28. No. 1. P. 223–225. DOI: <https://doi.org/10.1525/ae.2001.28.1.223>

Mosse G. L. (1990) *Fallen Soldiers. Reshaping the Memory of the World Wars*. New York: Oxford University Press.

Pajari I. (2015) Soldier's Death and the Logic of Sacrifice. *Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences*. Vol. 19. P. 179–201.

Pajari I. (2014) "Us", "Them" and the Fallen — The Burial of Fallen Soldiers and the Image of the Enemy. *Binaries in Battle*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. P. 16–48.

Rosenblatt A., Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T., Lyon D. (1989) Evidence for Terror Management Theory I: The Effects of Mortality Salience on Reactions to Those Who Violate or Uphold Cultural Values. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 57. P. 681–690. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.4.681>

Taussig D. (2017) Your Story Is Our Story: Collective Memory in Obituaries of US Military Veterans. *Memory Studies*. Vol. 10. No. 4. P. 459–473. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698016653441>

Zambernardi L. (2022) Western Attitudes toward Soldiers' Death: From the Early Modern Period to the Present. *Mortality*. Vol. 27. No. 3. P. 272–288. DOI: <https://doi.org/10.1080/13576275.2020.1864723>

Сведения об авторе:

Матвеенко Регина Олеговна — магистр социологии, магистерская программа «Комплексный социальный анализ», «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** romatveenko@edu.hse.ru

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

Принята к публикации: 23.02.2025

.....

Representation of Soldiers' Death: Discourse Analysis of Military Obituaries in the Context of the Special Military Operation

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.4

Regina O. Matveenko HSE University, Moscow, Russia
E-mail: romatveenko@edu.hse.ru

The article is dedicated to a critical analysis of military obituaries published in the context of the Special Military Operation. The focus is on how obituaries shape public perceptions of soldiers' deaths and which ideological narratives are supported through these texts. The study examines the structures and discursive affiliations of the obituaries, the narratives they represent, and the strategies of war legitimation, soldier heroization, and comforting the grieving. Using qualitative discourse analysis, 50 obituaries published by May 2024 were analyzed. The results highlight strategies for presenting and discursively measuring soldiers' deaths through the concepts of self-sacrifice, the social body, and death as symbolic exchange, as well as methods for constructing soldiers' identities and the value of their lives. The findings demonstrate that obituaries function as an important tool of dominant discourse in shaping collective memory and public opinion.

Keywords: discourse analysis, military discourse, obituaries, soldier's death, representation of death

Author Bio:

Regina O. Matveenko — MA in Sociology, Master's Programme "Complex Social Analysis", HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** romatveenko@edu.hse.ru

Received: 15.10.2024

Accepted: 23.02.2025

Выборка некрологов

Порядковый номер некролога	Ссылка на некролог
1	URL: https://ok.ru/tanguyfore/topic/156083750560705 (дата обращения: 18.04.2024)
2	URL: https://stepnoe-adm.ru/news/nekrolog2810/ (дата обращения: 18.04.2024)
3	URL: https://shansonline.ru/index.php/novosti/item/26992-u-nego-byl-osobennyj-sklad-kharaktera-nekrolog-pamyati-pogibshego-v-zone-svo-kirilla-aleksandroviicha-ponomareva (дата обращения: 18.04.2024)
4	URL: https://svidetel24.info/archives/111562 (дата обращения: 19.04.2024)
5	URL: https://svidetel24.info/archives/103175 (дата обращения: 19.04.2024)
6	URL: https://svidetel24.info/archives/111588 (дата обращения: 19.04.2024)
7	URL: https://krsk.aif.ru/society/lyubil-muzyku-i-semyu-pohoronili-uchastnika-svo-aleksandra-pinkfloyda (дата обращения: 20.04.2024)
8	URL: https://krsk.aif.ru/society/nash_angel-hranitel_hakasiya_prostilas_s_pogibshim_v_dnr_geroem_bykasovym?from_inject=1 (дата обращения: 20.04.2024)
9	URL: https://vk.com/wall-166300240_14951 (дата обращения: 21.04.2024)
10	URL: https://dzen.ru/a/ZjIEOZ6gTieKrerL (дата обращения: 21.04.2024)
11	URL: https://stepnoe.bezformata.com/listnews/nekrolog/119628448 (дата обращения: 22.04.2024)
12	URL: https://gazetamordovo.ru/news/society/2024-05-02/v-posledniy-put-provodili-uchastnika-svo-iz-mordovskogo-okruga-232424 (дата обращения: 22.04.2024)
13	URL: https://заря-яны.рф/48958-2/ (дата обращения: 23.04.2024)
14	URL: https://победаипамять.рф/hero8293 (дата обращения: 23.04.2024)
15	URL: https://megatyumen.ru/proisshestiya/otlichnyj-byl-pacan-na-svo-pogib-zhitel-tobolska-yurij-fomin/ (дата обращения: 24.04.2024)
16	URL: https://tikhvin.org/about/info/news/index.php?ELEMENT_ID=32001 (дата обращения: 24.04.2024)
17	URL: https://sakh.online/news/18/2023-02-07/uchitel-pogibshego-na-svo-sahalintsa-podelilas-vozpominaniyami-o-nem-358689 (дата обращения: 25.04.2024)
18	URL: https://vk.com/wall-50332460_6027660 (дата обращения: 25.04.2024)
19	URL: https://vk.com/wall-58801394_911951 (дата обращения: 26.04.2024)
20	URL: https://vk.com/wall-58801394_913574 (дата обращения: 26.04.2024)
21	URL: https://vk.com/wall-58801394_908083 (дата обращения: 27.04.2024)

Порядковый номер некролога	Ссылка на некролог
22	URL: https://gazetanikiforovka.ru/articles/society/2023-08-29/on-prozhil-korotkuyu-no-dostoynyuyu-zhizn-v-nikiforovskom-okruge-prostilis-s-pogibshim-uchastnikom-svo-202025 (дата обращения: 27.04.2024)
23	URL: https://vk.com/wall-216160169_161581 (дата обращения: 28.04.2024)
24	URL: https://bgtrk.ru/news/society/247895/ (дата обращения: 28.04.2024)
25	URL: https://vk.com/wall-198934919_19725?hash=bb4399b9c12f196bac (дата обращения: 29.04.2024)
26	URL: https://ashzori.ru/news/novosti-rayona/2024-05-06/geroi-ne-umirayut-a-v-nashih-serdtsah-zhivut-3755452 (дата обращения: 29.04.2024)
27	URL: https://arigus.tv/news/society/146094-v-buryatii-prostilis-s-mobilizovannym-pogibshim-na-svo/ (дата обращения: 30.04.2024)
28	URL: https://t.me/admkam34/18957 (дата обращения: 30.04.2024)
29	URL: https://gazetapetrovka.ru/articles/society/2024-04-08/za-spiny-pryatatsya-ne-mogu-v-petrovskom-okruge-provodili-v-posledniy-put-uchastnika-svo-229253 (дата обращения: 01.05.2024)
30	URL: https://tvrtambov.ru/news/v-tambovskoj-oblasti-prostilis-s-uchastnikom-svo-12/2024/04/10/ (дата обращения: 01.05.2024)
31	URL: https://www.zg66.ru/publications/societys/12933-2022-05-27-11-27-02.html (дата обращения: 02.05.2024)
32	URL: https://omskgazeta.ru/all-news/dva-omicha-pogibli-na-svo/ (дата обращения: 02.05.2024)
33	URL: https://gorod55.ru/news/2024-05-11/na-svo-pogib-molodoy-omich-viktor-kapralov-5079060 (дата обращения: 03.05.2024)
34	URL: https://crimea.ria.ru/20240511/v-sevastopole-prostilis-s-uchastnikom-svo-andreem-chervonenko-1137198394.html (дата обращения: 03.05.2024)
35	URL: https://m.ok.ru/group/68725433434170/topic/156483144917818?opncmnt дата обращения: 04.05.2024)
36	URL: https://kzgazeta.ru/news/Z/2024-05-10/neftkamsk-prostilsya-s-uchastnikom-svo-valeriem-borisovichem-sokolovym-3760324 (дата обращения: 04.05.2024)
37	URL: https://gus-info.ru/obituaries/121-v-rezultate-voennykh-deistvii-v-xode-specoperacii-po-demilitariz (дата обращения: 04.05.2024)
38	URL: https://56orb.ru/news/2023-08-26/poluchil-orden-muzhestva-posmertno-v-orenburgskom-rayone-prostili-s-pogibshim-boysom-3023086 (дата обращения: 05.05.2024)
39	URL: https://shansonline.ru/index.php/novosti/item/20405-kazalos-что-emu-vsjo-dajotsya-legko-pamyati-pogibshhego-v-khode-svo-danila-svobodina (дата обращения: 05.05.2024)

Порядковый номер некролога	Ссылка на некролог
40	URL: https://t.me/kniga_pamyati_SVO/392 (дата обращения: 05.05.2024)
41	URL: https://герои-сво.рф/ (дата обращения: 05.05.2024)
42	URL: https://msk.kprf.ru/2023/10/29/244398/ (дата обращения: 05.05.2024)
43	URL: https://izhetskij-r11.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_770.html (дата обращения: 05.05.2024)
44	URL: https://bgtrk.ru/news/incidents/245621/ (дата обращения: 05.05.2024)
45	URL: https://www.d-kvadrat.ru/novosti/28381 (дата обращения: 05.05.2024)
46	URL: https://vsluh.ru/novosti/obshchestvo/na-svo-pogib-lesopozharnyy-iz-tyumenskoy-oblasti-artem-dolgikh_402775/ (дата обращения: 05.05.2024)
47	URL: https://gazeta-n1.ru/news/politics/129505/ (дата обращения: 05.05.2024)
48	URL: https://oboz.info/u-sotrudnitsy-samarskogo-oblastnogo-suda-pogib-muzh-v-zone-svo/ (дата обращения: 05.05.2024)
49	URL: https://gorvesti.ru/society/maksim-belov-s-pozyvnyim-belyy-iz-volgogradskoy-oblasti-pogib-v-svo-157492.html (дата обращения: 05.05.2024)
50	URL: https://www.d-kvadrat.ru/novosti/28526 (дата обращения: 05.05.2024)